

Вот на первый случай. Буду иногда продолжать. Листик этот – мое нравственное завещание³.

Твой отец

¹ “Мы были одни, и за печальными разговорами пробило 12”, – вспоминал Герцен (XXVI, 233).

² Ср. публикуемую в кн. 2-й наст. тома “Объяснительную записку” А.А. Герцена.

³ Как непосредственное продолжение этого документа можно рассматривать “Записку на случай моей смерти”, которую Герцен начал писать в июле того же года (см. XXVI, 281–282).

Огареву и Н.А. Тучковой

Публикация Л.И. М а т ю ш е н к о^{16*}

Публикуемый документ был предназначен для отправления в Россию. Он оставляет впечатление некоторой “тайнописи”. В нем нет ни подписи, ни обращения к адресатам; не названо имя “бедной страдалницы, заплатившей жизнью за несчастное сердечное заблуждение”. Угадываемый на фотокопии автографа почерк Герцена нарочито изменен.

Дата письма (8 июля) и указанное место написания (швейцарский кантон Тичино, или Тессин) дают возможность определить и год (1852) и город (Лугано), где находился тогда Герцен. Содержание письма не вызывает сомнений в его авторстве. Адресаты также со всей бесспорностью устанавливаются по содержанию. Это самые близкие Герцену в России люди, которые еще далеко не все знают о его семейной драме. Встреча с ними – его страстное желание. Это, конечно, Огарев и Н.А. Тучкова, приезда которых ожидает Герцен. Тучковой известна воля покойной Натальи Александровны в отношении детей, и лишь ее Герцен называл “сестрой”.

О существовании документа, печатаемого здесь, знали давно. Именно о нем идет речь в письме Герцена к М.К. Рейхель от 8 июля 1852 г.: “Вложу записочку к Огар(еву), постарайтесь ее доставить через Тат(ьяну) Ал(ексеевну) (...) Я думаю, что вы берете все меры насчет записок в Россию, будьте осторожны, как змий” (XXIV, 295).

21 июля 1852 г. у Герцена возникла новая идея: “Да чего же лучше записку послать с Боткиным, дайте ему непременно статью из ниццкой газеты^{17*}, два-три экземпляра, пусть подкладку подошьет” (XXIV, 303). В письме к Рейхель от 23 июля Герцен настаивает на свидании с Н.П. Боткиным до его отъезда в Россию и повторяет: “Записку Огареву может и Боткин взять” (XXIV, 307).

У нас нет сведений о том, когда и каким образом “записка” была отправлена в Россию: по почте на имя Астраковой, как первоначально предполагалось, или с Боткиным. Во всяком случае, о судьбе своей записки Герцен не знал еще 1 ноября 1852 г., когда писал Рейхель: “Послали ли вы в Москву мою записку? Если нет, прибавьте, что я Ог(арева) жду как величайшее и последнее благо. Пишите, что я жду” (XXIV, 358).

Прямыми сведениями, подтверждающими получение записки адресатами, мы также не располагаем, но отклики на ее содержание известны. Это прежде всего письмо Огарева к Н.М. Сатину от 26 января/7 февраля 1853 г.: “Имел я голос издадека, голос измученный, кричащий от боли и призывающий. Думать нечего, мешкать нечего. Сожгу мосты за собою, а там, что бы ни случилось, я на все готов, и не пожалею ни сил, ни жизни” (РГБ, ф. 69.8, л. 339).

Главное значение публикуемого документа в том, что это первые дошедшие до нас строки Герцена, написанные после смерти Натальи Александровны и адресованные Огареву.

Записка отражает трудное для Герцена время. 22 мая 1852 г., через три недели после похорон жены и на следующий день после печальной четырнадцатой годовщины своей свадьбы, он отправил дочерей в Париж с Рейхель и остро переживал разлуку с ними, “особенно отсутствие Таты” (XXIV, 275). “Судорожное волнение, в котором я жил, улеглось, зато пустота и весь ужас потери яснее, живее. Всякую ночь я вижу во сне смерть Н(аташи)”, – делится он своими переживаниями с Рейхель (XXIV, 207). В начале июня, собираясь покинуть Италию, Герцен уничтожает значительную часть своего личного архива. Горестно простившись с Ниццей и дорогой могилой, Герцен с сыном 8 июня уезжает в Геную, затем в Лугано. Пребывание в

^{16*} Письмо перевела с французского и итальянского автор публикации Л.И. Матюшенко.

^{17*} Статья из “Avenir de Nice” от 13 июля 1852 г. рассказывает о посещении Г. Гервега Э. Гаугом и М.-Э. Тесье дю Моте по поручению Н.А. Герцена и о пощечине, данной Гервегу (см. Л VII, 77: XXIV, 501).

Генуе и Лугано отмечено особенной остротой переживаний в связи с беспримерно кощунственными поступками Гервега, не давшего Герцену возможности даже оплакать свою потерю. 30 июня датировано письмо-исповедь, адресованное Рейхель (см. XXIV, 286–292). 2 июля Герцен пишет на случай своей смерти “инструкцию” А. Рейхелю относительно опеки, высказывает заветные мысли о воспитании детей (“развить в них сильную любовь к России” – XXIV, 292–293).

Герцен порой ощущает себя человеком, с которым играет страшный фатум; он считает свою жизнь оконченной и готов умереть. В письмах к Рейхелям мы читаем о “сломленной душе”, о жизни, “раздавленной роком” (XXV, 9). К письму сына, адресованному Астраковой (от 26 октября 1852 г., уже из Лондона), он приписывает: “Все сломилось, семья, дом, средоточье – узел развязали, и все рухнулось...” (см. кн. 2-ю наст. тома).

Немецкое выражение “Zugrunde gerichtet”, с которого начинается публикуемое письмо, как бы обобщает мысли Герцена о постигших его несчастьях. Оно так многозначительно, что трудно поддается переводу. Общепринятое значение “совершенно уничтожен” кажется недостаточным.

Вместе с тем Герцен хочет, чтобы друзья в России знали, что нравственно он *не погиб*. “Совсем напротив: выше я никогда не стоял, я гордо нес венки с терниями на голове, я его нес, как корону”, – пишет он 15 июня в связи с получением глубоко тронувшего его письма от Астраковой (см. XXIV, 284).

О нравственной высоте Герцена свидетельствует и его утверждение, что ему предстоит исполнить безмерный долг, лежащий на нем.

Из других писем этого времени мы знаем, что речь идет, во-первых, об “обязанности сказать погребальное слово и слово благодарности” (XXIV, 279), т.е. раскрыть людям величие женщины, которую он любил. Это, во-вторых, долг разоблачить виновника ее гибели, обличить коварство, о котором в России и понятия не имеют. Долг этот мыслится, по позднейшему выражению Герцена, как “сердечная потребность, акт высшей морали” (XXIV, 352). “Это вовсе не несчастная трагедия, – разъясняет он Рейхель, – а вопрос колоссальный – вопрос всей революционной религии, всех последних надежд на меня. Действительно, я сознаю себя *новым* человеком, как выразился Саффи (...) Понимаете, как у меня теперь все это сплетено в один жизненный вопрос” (XXIV, 306).

Не менее важным был долг по отношению к детям (“дети входят во всё”; “они-то и держат в узде” (XXIV, 278–279). Именно о них идет речь в публикуемом письме, когда говорится о святости для Герцена воли покойной Натальи Александровны. В одном из важнейших своих писем к сыну, от 14 ноября 1860 г., Герцен писал: “Ты знаешь, что и что я взял на душу за вас, вас спасти – я присягнул умирающей Мамаше” (XXVII, 111). Будущее детей – одна из причин и столь страстного желания приезда Огарева и Н.А. Тучковой.

В сознании долга, с одной стороны, в силе и глубине дружеских чувств – с другой, можно видеть психологические основы преодоления Герценом своей духовной драмы.

Записка к Огареву и Тучковой от 8 июля 1852 г. интересна и в том отношении, что она может служить иллюстрацией к сказанному в самом раннем, оставшемся неопубликованным при жизни Герцена предисловию к “Былому и думам” (“Братьям на Руси”): “Каждое слово об этом времени тяжело потрясает душу, сжимает ее, как редкие и густые звуки погребального колокола” (VIII, 397). Некоторые из этих слов станут ключевыми в поэтике части пятой “Былого и дум”.

Наряду с открывающим письмо выражением “Zugrunde gerichtet”, о котором говорилось выше, привлекает внимание другое: “einen unglücklichen Herz Schwindel”. Отчасти оно восходит к цитируемому в “Былом и думам” письму Н.А. Герцен (“несчастное увлечение мое” – X, 291)^{18*}. Необычное, специфически “искандеровское” словосочетание Herz Schwindel (по правилам немецкого языка здесь должно быть слитное написание) приоткрывает нам емкость понятия, которое по-русски Герцен передавал как “круженье сердца” (XXIV, 281–282, 289). Вскоре оно станет образом-заглавием одного из разделов “Рассказа о семейной драме” (X, 252). Герцен соединяет оба значения слова “Schwindel”: и головокружение, и заблуждение. Характерно, что, говоря по-русски о “несчастном увлечении” Натальи Александровны, он употребляет и уточняющие слова: “одуренье”, “чад”, “тяжелые чары” (XXIV, 281, 289; X, 262).

Как предварение поэтической образности “Былого и дум” воспринимается и выражение *rauche martyre* (ср. “бедная мученица” – XXIV, 283, 312, 335). “Бедная страдалица – и сколько сам, беспредельно любя ее, участвовал в ее убийстве”, – завершающие строки “прибавления”

^{18*} Ср. “malheureux entrainement” – “злосчастное увлечение” (франц.) в черновике письма Герцена к П.-Ж. Прудону (XXIV, 328, 334).

к «Рассказу о семейной драме», написанные Герценом после посещения могилы жены 21 сентября 1863 г. (X, 314).

Важная тема «Былого и дум» – «две русские натуры, вступившие в единоборство с западным растлением» (XXV, 111), – намечается в словах о встрече с коварством, о котором в России и понятия не имеют. Примечательно сходство выражений в цитированном выше раннем предисловии к «Былому и думам»: «Я нашел (на Западе) лукавое предательство, святотатство, но останавливающееся ни перед чем, посягающее на все, и нравственное растление, о котором вы не имеете понятия» (VIII, 398).

Интересен итальянский текст в конце письма. Он включает в себя не совсем точно воспроизведенную по памяти цитату из сочинения Дж. Леопарди. Обращение Герцена к Леопарди в столь эмоциональном документе, каким является записка к Огареву, найдет объяснение в характеристике итальянского поэта на страницах «Былого и дум»: «У него, как у Байрона (...) стих иногда режет, делает боль, будит нашу внутреннюю скорбь. Такие слова, стихи есть у Лермонтова, есть они в некоторых ямбах Барбье. Леопарди была последняя книга, которую читала, перелистывала перед смертью Natalie...» (X, 79). О неугасающем интересе к Леопарди в семье Герцена свидетельствует и его переписка со своими детьми в последующие годы. Он просит сына захватить с собой одновременно с Лермонтовым «мамаши» томик стихотворений Леопарди (эти книги Герцена оставались в Швейцарии у А. Фогта – см. XXVI, 230). Интерес к Леопарди перешел к Тате. Им интересовались впоследствии и Н.А. Тучкова-Огарева и Лиза Герцен.

В «Былом и думам», в «Post scriptum'e» к «Западным арабескам», Герцен более точно цитирует строки, приведенные по памяти в публикуемом письме, и называет стихотворение, откуда они взяты (см. X, 131).

В обоих случаях стих Леопарди – не совсем обычная литературная реминисценция: он позволяет Герцену выразить его собственное внутреннее состояние. Но во время работы над книгой оно уже существенно отличается от того, которое выразилось в публикуемом письме. «Рассказ мой о былом, может, скучен, слаб – но вы, друзья, примите его радушно; труд этот помог мне пережить страшную эпоху, он меня воротил из праздного отчаяния, в котором я погибал, он меня воротил к вам. С ним я вхожу *не весело, но спокойно* (как сказал поэт, которого я безмерно люблю) в мою зиму», – пишет Герцен в «Былом и думам» (X, 131). Характер следующей цитаты и ссылки – «*Lieta no...maa sicura!*» – говорит Леопарди о смерти в своем «*Ruusch e le sue mummie*», подчеркивает отличие нового мироощущения Герцена. Подсказанный ему поэтический образ он отрывает теперь от мыслей о смерти, относя его к последнему, заключительному «отделу» («зиме»), но «отделу» жизни, включая его в богатые ассоциации с образным строем своей книги. В «Былом и думам» Герцен пишет о вступлении в свою «зиму» как о возможности обретения «досуга мысли», «гармонии вокруг» (см. X, 314), о гармонии в общем, о примирении пониманием. Настроение Герцена теперь более сродни пушкинскому «На свете счастья нет, но есть покой и воля». Стих Леопарди переосмыслиется Герценом, и лишь его след ощутим в характерных герценовских выражениях: «Письмо мое было печально, но спокойно» (X, 254); «Встреча наша в Париже была не радостна, но проникнута чувством искреннего и глубокого сознания» (X, 255); «Она встретила с моим печальным и покойным взглядом» (X, 262).

Таким образом, являясь ценным биографическим документом, публикуемое письмо имеет непосредственное отношение к творческой лаборатории Герцена-писателя. Мы наблюдаем здесь один из моментов рождения образного строя «дум» Герцена и поэтического языка его книги. Мы еще теснее связываем замысел великого автобиографического произведения с именем Огарева.

Письмо печатается по фотокопии РГБ с автографа *BN*. Впервые опубликовано М. Мерво в «*Revue des Etudes Slaves*», 1981, № 2, p. 245–253.

(Lugano.) 8 juillet (1852)¹

«*Zugrunde gerichtet!*»² – et vous ne savez pas même la moitié de mes malheurs. J'existe, car j'ai une tâche immense à accomplir et je l'accomplirai. Pauvre martyre³ qui a payé par sa vie – *einen unglücklichen Herz Schwindel* – et la rencontre d'une scélératesse dont on n'a pas l'idée chez v(ou)s⁴. On ne m'a pas laissé le temps de pleurer. Mais au fait. Si la volonté de la défunte est sainte pour toi, ma sœur, pense, si elle l'est pour moi. La seule chose que je désire, pour moi, c'est de vous embrasser encore et de passer q(uel)q(ues) heures ensemble – *e poi morire*. La morte «*non è lieta, ma sicura del antico dolore*»⁵. Quant aux moyens, on p(eut) arranger.

8 juillet. *C(antone) Ticino*

Перевод:

(Лугано?). 8 июля (1852 г.)¹

“Zugrunde gerichtet”² – а вы не знаете и половины моих несчастий. Я живу потому, что мне предстоит исполнить безмерный долг, и я его исполню. Бедная старадалица³, заплавившая жизнью, – einen unglücklichen Herz Schwindel^{19*} – и встреча с коварством, какое у в(ас) не могут себе и представить⁴. Мне не оставили времени плакать. Но к делу. Если воля покойной свята для тебя, сестра моя, посуди, насколько свята она для меня. Единственное, чего я, для себя, желаю, это еще раз обнять вас и провести нес(олько) часов вместе – e poi morire. La morte “non è lieta, ma sicura del antico dolore”^{20*}. Что касается денег, то это можно устроить.

8 июля. К(антон) Тичино

¹ Ответ на неизвестное письмо Огарева и Н.А. Тучковой. Герцен приехал в Лугано около 26 июня и жил там по 13 июля 1852 г.

² *Zugrunde gerichtet* (совершенно раздавлен.-нем.). – Судя по кавычкам, это цитата (по-видимому, из “Фауста” Гете). Неточная, приведенная по памяти, она ассоциируется прежде всего с финалом первой части трагедии:

M e r p h i s t o p h e l e s. Sie ist gerichtet.
S t i m m e v o n o b e n. Ist gerettet!
(М е ф и с т о ф е л ь. Она осуждена.
Г о л о с с в ы ш е. Спасена) (нем.).

По звучанию и смыслу цитата близка и другой строке из трагедии: “Zugrunde uns richte” – словам-предостережениям Фауста Евфориону (часть вторая).

Наше предположение укрепляется и тем обстоятельством, что к финалу первой части “Фауста” Герцен обратится через три года в главе “Былого и дум” “Il pianto”, открывающей “вторую тетрадь” “Западных арабесок” (и здесь цитата неточная, по памяти – sie ist gerettet – X, 122).

Размышляя о судьбах истории, Герцен прибегает в этой главе к образу матери, ожидающей ребенка. Трагизм его мироощущения передает мысль о возможной гибели обоих. Присутствующая и в этом образе ассоциация с “Фаустом” несет одновременно и глубоко выстраданное личное содержание. В этой главе Герцен сопоставляет Байрона и Гете. Это сопоставление перерастает в вывод об историческом призвании его поколения. Реминисценция из “Фауста” в публикуемом письме – еще одно подтверждение той роли, которую играл Гете в творческом самосознании Герцена.

³ Н.А. Герцен, умершая 2 мая 1852 г.

⁴ Комментарием здесь могут служить следующие строки из письма к московским друзьям от 2 сентября 1853 г.: “Клевета продолжала бить по могиле, намеренная, обдуманная” (XXV, 110).

⁵ Ср. у Леопарди: “Единственная в мире вечная, к кому устремляется//все сотворенное, //в тебе, смерть, находит успокоение//наше нагое естество, //отнюдь не исполненное радости, но надежно защищенное от вековой скорби” (итал.).

ТАТЕ ГЕРЦЕН

Публикация Л.Р. Ланского

Записка Герцена к его восьмилетней дочерей Тате, без сомнения, была приложена к одному из его писем, адресованных М.К. Рейхель. Речь в ней идет о предстоящем приезде к Герцену в Лондон обеих его дочерей (Таты и Оли) из Парижа, где они воспитывались в семье Рейхелей после смерти их матери – Натальи Александровны. Вопрос о том, кто будет сопровождать девочек, занимал большое место в переписке с Рейхелями за февраль–апрель 1853 г. Выезд намечался на разные числа между 24, 27 и 30 апреля. В публикуемой записке точно указано, что до его осуществления остается *шестнадцать* дней (см. XXV, 47 и 48). Письмо Герцена от 8 апреля, обращенное к Рейхель, не имеет приписки к Тате, а в соседних оно есть, так что публикуемые строки, с известной долей условности, можно отнести именно к этому числу.

Вследствие разных неурядиц, муж Марьи Каспаровны А. Рейхель выехал из Парижа с детьми только 30 апреля; в тот же день они пересекли Ла Манш. Таким образом, годовщину смерти Натальи Александровны – 2 мая – Герцену удалось отметить, как он и мечтал, в присутствии всех троих его детей.

Письмо публикуется впервые по фотокопии РГБ с автографа ВВ.

^{19*} несчастное сердечное заблуждение (нем.).

^{20*} и потом умереть. Смерть “не радостная, нет, но избавляющая от древней скорби” (итал.).